

На правах рукописи

Новак Ирина Петровна

**КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ
В ДИАЛЕКТОМЕТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург

2024

Работа выполнена в секторе языкознания Института языка, литературы и истории – обособленного подразделения ФГБУН Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

Научные консультанты: доктор филологических наук, профессор, чл.-корр. РАН, г.н.с. сектора языкознания Института языка, литературы и истории – обособленного подразделения ФГБУН Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр РАН»

Ирма Ивановна Муллонен;

доктор филологических наук, г.н.с., зав. лаб. «Лингвистические платформы» ФГБУН Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, в.н.с. отдела урало-алтайских языков ФГБУН Институт языкознания РАН

Юлия Викторовна Норманская

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, чл.-корр. РАН, зав. отд. «Лаборатория антропологической лингвистики» ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН

Евгений Васильевич Головки;

доктор филологических наук, профессор, зав. сектором языков народов Сибири ФГБУН Институт филологии Сибирского отделения РАН

Наталья Борисовна Кошкарева

доктор исторических наук, чл.-корр. РАН, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук (ИОН) РАНХиГС

Владимир Владимирович Напольских.

Ведущая организация: ФГБУН Институт славяноведения РАН

Защита состоится «15» ноября 2024 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета 24.1.072.01 при ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН по адресу: 199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН по адресу: 199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9 и на сайте организации: <http://iling.spb.ru>.

Автореферат разослан « » 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, в.н.с.

д.ф.н. А. Ю. Урманчиева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Карельский языковой ландшафт сформировался в результате одновременных и разнонаправленных миграций карелов, сопровождавшихся контактами с носителями близкородственных и неродственных языков. Значительный объем накопленных диалектных данных и развитие компьютерных технологий предоставляют возможность использовать современные диалектометрические методы при осмыслении материала и решении актуальных проблем карельской диалектологии.

Актуальность исследования обусловлена стремительной утратой карельским языком диалектного разнообразия, что объясняется как быстрым сокращением числа носителей (статус «под угрозой» согласно «Атласу языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО (2016), статус «прерывающийся» согласно списку «Языки России и статусы их витальности» (2022)), так и угасанием целых групп говоров. Кроме того, настоящая работа призвана помочь не просто прояснить важнейшие моменты истории языка и народа, но и решить ряд вопросов современной практики языкового строительства. Последнее невозможно без комплексного обобщающего исследования по карельской диалектологии и решения ряда проблем членения карельского языка.

Научная новизна работы заключается во введении в оборот значительных объемов ранее неопубликованного и непроанализированного карельского диалектного материала, а также в применении к нему современных диалектометрических исследовательских методов, позволяющих систематизировать диалектно-дифференцирующие явления карельского языка с сопутствующим заполнением выявленных лакун. В работе также впервые систематически реконструируется история становления карельской диалектной системы.

Степень разработанности темы. Целенаправленное исследование карельской диалектной речи на протяжении более полутора столетий ведется силами российских (см. исследования Д. В. Бубриха, Н. А. Анисимова, А. А. Беякова, А. П. Баранцева, В. Д. Рягоева, А. В. Пунжиной, Е. Л. Адель, П. М. Зайкова и др.), финляндских (работы А. Генетца, Х. Оянсуу, Ю. Куйола, Э. Лескинена, А. Турунена, Л. Кеттунена, Т. Итконена, Х. Лескинена, П. Виртаранта, М. Пахомова и др.) и эстонских (труды П. Палмеос, Я. Ыйспуу и др.) феннистов. Основопологающим изданием по карельской диалектологии является «Диалектологический атлас карельского языка» (1997), работа над которым была начата еще в 1937 г. под руководством Д. В. Бубриха. Печатная версия атласа включает 206 аналитических карт, отражающих явления фонологической, морфологической и лексической систем 186 говоров Карелии и Тверской области. Несмотря на довольно плодотворную и продолжительную историю фиксации карельской речи и изучения диалектной системы языка, не все группы говоров подвергнуты анализу, отсутствуют обобщающие труды, отражающие диалектное разнообразие языка как в лингвогеографическом, так и в сравнительно-

историческом аспекте; нерешенными остаются многие проблемы карельской диалектологии, включая диалектную классификацию.

Объектом настоящего исследования является карельская диалектная речь, используемая в качестве средства обиходно-бытового общения в местах компактного проживания российских карелов в Республике Карелия, в Тверской, Ленинградской, Мурманской и Новгородской областях. **Предметом исследования** служит совокупность междиалектных соответствий фонологического, морфонологического, морфологического и лексического языковых уровней. Анализ диалектных различий, которые выявляются на этих уровнях, является решающим для определения членения карельского языка на наречия, диалекты и говоры. Так, например, морфологические и морфонологические признаки особенно значимы для выделения наречий, тогда как диалекты обычно выделяются на основе анализа фонологических и лексических сопоставительных явлений. Не обладающие дифференцирующим потенциалом синтаксические особенности карельской диалектной речи в работе не освещаются.

Целью исследования выступил анализ фонологической, морфонологической, морфологической и лексической систем локальных вариантов карельского языка методами диалектологии, дополненный лингвогеографической и сравнительно-исторической интерпретацией результатов. Итогом этого анализа является построение многоуровневой диалектной классификации карельского языка.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующего круга **задач**:

– теоретический обзор трудов по карельской диалектологии, связанных с выявлением диалектных различий;

– определение источников диалектных данных для проведения диалектометрического исследования; создание базы данных (БД), отражающей фонологические, морфонологические, морфологические и лексические особенности карельских говоров, на основе опубликованных источников и материалов, собранных в условиях полевой работы в местах компактного проживания карелов Республики Карелия, Тверской, Ленинградской, Новгородской и Мурманской областей;

– определение структуры и состава регулярных фонологических междиалектных соответствий методом анализа когнатов;

– кластеризация материалов по вокализму, консонантизму, морфонологии, именному и глагольному словоизменению, лексике; сравнение полученных результатов с данными близкородственных языков и памятников карельской письменности XVII–XIX вв.; стратификация изоглосс в пространстве и времени; составление сводных и итоговой кластерных карт;

– определение степени близости карельских говоров методом лексикостатистики;

– сопоставление результатов, полученных разными диалектометрическими методами; установление иерархии территориальных подразделений, выявление и

характеристика их составляющих; разработка диалектной карты карельского языка с учетом современной ситуации бытования его говоров.

В работе в качестве основных использованы следующие **методы**:

– диалектометрические методы кластерного анализа и анализа когнатов, позволяющие обрабатывать большие объемы диалектных данных и визуализировать результаты обчетов в виде таблиц и карт;

– лингвогеографический метод картографирования языковых фактов (изоглоссный метод), применение которого позволяет получить информацию об особенностях структуры диалектов, об их архаических и инновационных чертах;

– сравнительно-исторический метод (с приемами внешней и внутренней реконструкции), требующий обращения к материалу близкородственных языков: вепсского, ижорского, восточных диалектов финского языка;

– филологический метод, заключающийся в анализе текстов памятников карельской письменности разных эпох и территорий.

В разделе, посвященном диалектной лексике, привлечен метод лексикостатистического анализа.

В ходе полевой работы были использованы методы непосредственного наблюдения за речью носителей диалектов, прямого опроса, интервьюирования с записью на цифровые носители. Выборочным обследованием в период с 2014 по 2023 г. было охвачено тринадцать ареалов проживания карелов Республики Карелия (Пряжинский, Олонецкий, Медвежьегорский, Кемский, Лоухский, Муезерский, Калевальский районы), Тверской (Спировский, Лихославльский, Рамешковский, Зубцовский районы), Ленинградской (Бокситогорский район) и Мурманской (Кандалакшский район) областей.

Теоретическую основу диссертации составили разработки Московской школы лингвистической географии – публикации Р. И. Аванесова, Н. Н. Пшеничной, С. В. Бромлей, К. Ф. Захаровой, В. Г. Орловой и др., труды по методике диалектологии Дж. Нербонна, К. Виика, Т. Хонкола, К. Сюръянена, коллектива проекта LingvoDoc, а также исследования по карельской диалектологии Д. В. Бубриха, А. А. Белякова, Л. Кеттунена, Т. Итконена, А. Турунена, Х. Лескинена, П. Виртаранта, П. М. Зайкова и др.

Материал исследования представлен:

– хранящимися в Научном архиве КарНЦ РАН рабочими материалами «Диалектологического атласа карельского языка» 1937–1973 гг.;

– словарными фактами «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (2007), собранными в 1979–1981 гг.;

– полевыми данными, полученными автором.

Основные источники диалектных данных определили **хронологические рамки** исследования – с конца 30-х гг. XX в. по настоящий момент.

Дополнительные материалы привлечены из текстов памятников карельской письменности XVII–XIX вв. (8 источников) и образцов карельской речи (начиная с конца XIX в.), диалектных словарей карельского языка, данных диалектного подкорпуса Открытого корпуса вепсского и карельского языков (<http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru>), аудиозаписей речи носителей карельского языка

с диалектной аудиокарты прибалтийско-финских языков Карелии (<http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/audiotext/map>). В тексте работы иллюстративный диалектный материал дается в упрощенной финно-угорской транскрипции, основанной на латинской графике. Кириллическая графическая основа примеров из памятников карельской письменности сохранена.

Теоретическая значимость диссертации заключается во вносимом ею вкладе в реконструкцию истории прибалтийско-финской группы уральской семьи языков. Расширение и анализ перечня сопоставительных явлений локальных вариантов карельского языка с учетом истории и условий их сложения, а также выделение на их базе конкретных ареалов послужили основой не только для разработки востребованной широким кругом специалистов диалектной классификации, но и для периодизации истории карельского языка. Доказано наличие в составе реконструируемого древнекарельского языка наряду с древним собственно карельским также древнеливвиковского и древнелюдиковского наречий, определен комплекс диалектно-дифференцирующих явлений, послуживших основой для их формирования. Выявлены диалектные различия более позднего периода, позволившие выделить в составе наречий диалекты и группы говоров.

Результаты диссертационной работы имеют важное **практическое значение**. Они позволят создать комплекс рекомендаций по редактированию правил и норм, а также определить необходимое количество нормированных вариантов карельского языка. Полученные выводы помогут решить проблему организации хранения диалектных текстов в Открытом корпусе вебского и карельского языков и осуществления поиска по их массиву. Результаты исследования позволяют усовершенствовать методику полевого сбора карельского диалектного материала и его анализа. Фрагменты представленного труда могут найти применение в вузовской практике при разработке курсов и учебных пособий по «Карельской диалектологии», «Истории и методологии феннистики», «Введению в финно-угроведение», «Диалектологии». Одна из задач создания диалектной базы данных Murgeh – обеспечение доступа к большому объему языкового материала в учебном процессе. Подготовленные открытые ресурсы в дальнейшем могут быть широко использованы в качестве основы для новых теоретических изысканий.

Достоверность результатов исследования подтверждается большим объемом привлеченных к анализу диалектных фактов (более 400 тыс. единиц), а также совпадением выводов, полученных путем применения разных диалектометрических методов к разнородным диалектным материалам, как между собой, так и с основными результатами, представленными в ряде работ по карельской диалектологии.

Положения, выносимые на защиту.

1. Диалектная карта карельского языка, разработанная во второй половине XX в. на основе системы волостного деления Карелии, требует уточнения статуса отдельных групп говоров, территориальной соотнесенности ряда диалектных единиц, пересмотра классификации с привлечением современных диалектометрических методов. Последовательное использование последних при

анализе языковых явлений позволяет выявить в языке как четко выделяемые ареалы, так и особые переходные зоны, свидетельствующие, с одной стороны, о стабильности архаизмов, с другой – о динамике системы.

2. По результатам диалектометрического анализа говоры карельского языка разделены на три крупных кластера, совпадающих с наречиями из традиционной диалектной классификации: собственно карельским, ливвиковским и людиковским. Выделение наречий основано на совокупности морфологических и морфонологических изоглосс, восходящих к раннему периоду развития языка. Дальнейшее разделение наречий на кластеры с опорой на явления различных языковых уровней варьируется, но не существенно. С точки зрения фонологической системы собственно карельское наречие подразделилось на кластеры северных и южных говоров Карелии, между которыми расположился кластер сегозерских говоров, а также кластер говоров Центральной России; людиковское – на кластеры южных (михайловских), средних (пряжинских) и северных говоров; в ливвиковском наречии выделился кластер юго-западных говоров. Внутри ливвиковского наречия существенных морфонологических различий нет, как и внутри людиковского, тогда как собственно карельское разделилось на северный и южный кластеры говоров Карелии, а также на кластер говоров Центральной России. По морфологическим признакам из собственно карельского наречия выделяются южные говоры Карелии и говоры Центральной России, из людиковского – кластер пряжинских говоров, тогда как ливвиковское наречие демонстрирует единство грамматической системы. Обсчет лексических данных объединил в один кластер ливвиковские и пряжинские людиковские говоры, а собственно карельское наречие разбил вновь на три кластера: северный и южный кластеры говоров Карелии, а также кластер говоров Центральной России.

3. Выделение в составе собственно карельского наречия северного (северные говоры Карелии), южного (говоры Центральной России) и переходного (южные говоры Карелии), а в составе людиковского исконно людиковского и пряжинского диалектов базируется на совокупности явлений всех языковых уровней. Однако на передний план здесь выходят морфонологическая и фонологическая (в большей степени вокалическая) системы, отражающие сохранившиеся в языке поздние диалектные черты древнекарельских наречий, а также результаты интенсивных контактов в пограничных между наречиями зонах. Внимание на себя обращает довольно однородное в языковом плане ливвиковское наречие. Диалектно-дифференцирующие явления фонологии (особенно консонантизма) и лексики, изобилующие поздними инновациями и следами влияния соседних финского, вепсского и русского языков, послужили основанием для выделения в составе диалектов двадцати групп говоров. Предложенная диалектная классификация (с учетом более не заселенных носителями территорий) актуальна для современного карельского языка.

4. Кроме большого числа диалектных различий карельские говоры характеризуются наличием общности многих черт всех языковых уровней. В совокупности с ними высокий процент совпадений по методике лексикостатистики (от 98 до 100% между ливвиковскими, людиковскими и

южными собственно карельскими говорами Карелии), как и убедительно проявивший себя на фонологических картах дискретно-континуальный характер локальных вариантов языка позволяют сделать вывод об отсутствии сравнительно-исторических оснований как для включения людиковских говоров в состав вепсского языка, так и для их выделения в самостоятельный прибалтийско-финский язык. С этой точки зрения убедительным в лингвистической классификации представляется также отнесение ливвиковских и тверских говоров к карельскому языку.

5. Формирование диалектного ландшафта современного карельского языка – итог сложного многовекового процесса, сопровождавшегося разнонаправленными миграциями карелов. Систематизация сопоставительных явлений локальных вариантов карельского языка во времени позволила выявить в его становлении четыре периода: 1) пракарельский (XI – XIV в.), на который приходится формирование ижорского и древнекарельского языков, а также восточных диалектов финского языка; 2) древнекарельский (XIV – конец XVI в.), характеризующийся выделением древнеливвиковского, древнелюдиковского и древнего собственно карельского наречий, а также началом сложения их диалектных различий; 3) старокарельский (начало XVII – конец XIX в.), в ходе которого развитие диалектно-дифференцирующих явлений привело к вычленению в составе наречий диалектов и групп говоров; 4) новокарельский (с начала XX в. до настоящего времени), характеризующийся относительной стабильностью диалектной системы, которая объясняется постепенным переходом на русский язык, остановившим процессы внутриязыкового взаимодействия между носителями диалектов.

6. Результаты анализа больших объемов данных по карельским говорам позволили сделать вывод о диалектной неоднородности древнекарельского языка, т. е. о сложении наречий до момента массовых переселений карелов в XVII в. В северо-западном Приладожье оформилось древнее собственно карельское наречие, в котором наряду с прибалтийско-финским праязыковым компонентом реконструируется значительное число инноваций. Вдоль побережья Онежского озера на основе ярко выраженного древневепсского субстрата выделилось древнелюдиковское наречие. Древнеливвиковское наречие Олонецкого перешейка отразило в своем составе прибалтийско-финские архаичные черты, системно представленный древневепсский субстрат, древнекарельские инновации и собственные диалектные особенности.

7. Совпадение комплекса изоглосс, выведенных разными диалектометрическими методами на базе отличающихся наборов диалектных данных, как между собой, так и с основными географическими, этническими, историческими и топографическими границами анализируемой территории четко укладывается в единую систему, что является подтверждением достоверности полученных выводов.

Апробация результатов исследования произведена на 24 международных, всероссийских и региональных научных конференциях и семинарах в России и Финляндии: Международная научная филологическая конференция (Санкт-Петербург, 2014, 2023), «Актуальные проблемы диалектологии языков народов

России» (Уфа, 2022), «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (Москва, 2021), «Лингвистический форум 2021: Языковая политика и сохранение языков» (Москва, 2021), «Падежи в уральских, алтайских и палеоазиатских языках» (Санкт-Петербург, 2021), «Интеграционные процессы в российском и международном научном пространстве: опыт и перспективы» (Петрозаводск, 2021), «KATVEen kuusijuhlat» (Финляндия, 2020), «Data Analytics and Management in Data Intensive Domains» (Воронеж, 2020), «Karjala kieliopeissa» (Финляндия, Йоэнсуу, 2019), «Корпусная лингвистика–2019» (Санкт-Петербург, 2019), «Коренные народы Карелии: история и современность» (Петрозаводск, 2019), «Бубриховские чтения» (Петрозаводск, 2015, 2018, 2020, 2022), «Edvard Ahtia ja Dmitri Bubrih: karjalan kielen kehittäjä» (Финляндия, Йоэнсуу, 2017), «Тверские карелы: 400 лет на тверской земле» (Лихославль, 2017), «Näkökulmia Karjalaan, karjalaisuuteen ja karjalan kieleen» (Финляндия, Йоэнсуу, 2016), III международный научно-практический финно-угорский вики-семинар (Петрозаводск, 2016), «Роль науки в решении проблем региона и страны» (Петрозаводск, 2016), «Varsinaiskarjalan kielen kahden muodon vertaaminen» (Финляндия, Нурмес, 2015), «Язык, культура, общество» (Москва, 2015), «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (Петрозаводск, 2014).

По результатам исследования опубликовано 46 статей (из них 22 статьи в журналах из перечня ВАК или индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus), 4 монографии, 4 раздела в научных монографиях; получено свидетельство о регистрации диалектной базы данных Murreh.

Структура и объем диссертации. Исследование состоит из Введения, шести глав, Заключения, списков литературы и источников, иллюстративного материала, сокращений, перечня таблиц. Общий объем первого тома составил 360 с.

Во втором томе работы, в виде приложений на 231 с. даны 21 таблица и 159 кластерных карт, визуализирующих результаты применения диалектометрических методов. Именно на этих данных базируется исследование.

В Приложении 1 приведены таблицы, предоставленные инструментом анализа когнатов. В них отражены рефлексy прибалтийско-финских долгих гласных ударного слога, заударных *-Vδa / *-Vδä, сужающихся дифтонгов, конечных гласных начальных форм имен, гармонии гласных, переднеязычных щелевых согласных начала и середины слова, согласного *j, согласного *l, геминат, а также представительство оппозиции по глухости / звонкости, корреляции по твердости / мягкости, радикального и суффиксального чередований ступеней согласных в 24 говорах карельского и 6 говорах вепсского языка. Отдельно даны сводные таблицы распределения междиалектных соответствий и итоговые матрицы по вокализму и консонантизму.

В Приложении 2 представлены кластерные карты по отдельным явлениям и категориям: расширяющиеся дифтонги (8 карт), сужающиеся дифтонги (8 карт), конечная огласовка одноосновных имен (3 карты), лабиализация гласных (2 карты), рядный сингармонизм (1 карта), оппозиция звонких / глухих согласных (5 карт), дистрибуция переднеязычных щелевых согласных (16 карт), палатализация переднеязычных согласных (17 карт), распределение j / d' (3 карты), сохранение /

сокращение геминат (3 карты), вокализация согласного *l* (1 карта), метатеза *nh* / *hn* (1 карта), сохранение / выпадение интервокального *v* (1 карта), сохранение / выпадение конечного *n* (1 карта), альтернатива интервокальных смычно-взрывных согласных (9 карт), альтернатива постсонорных смычно-взрывных согласных (9 карт), альтернатива смычно-взрывных, находящихся в позиции после глухих согласных (4 карты), словоизменительная основа множественного числа (1 карта), падежные формы (15 карт), лично-числовые формы (4 карты), временные формы (3 карты), формы наклонений (9 карт), инфинитивы (3 карты), причастия (3 карты), возвратное спряжение (1 карта); сводные (сбалансированные и несбалансированные) карты в нескольких уровнях по вокализму (4 карты), консонантизму (5 карт), морфологии (3 карты), именному словоизменению (3 карты), глагольному словоизменению (3 карты), лексике (4 карты), а также три итоговые карты, отображающие разбиения 208 говоров Карелии, Тверской, Ленинградской и Новгородской областей.

Лексикостатистические данные приведены в Приложении 3 в виде табличного списка базисной лексики 24 говоров карельского и 6 говоров вепсского языка, а также итоговой таблицы с показателями процентов совпадений между ними.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность и научная новизна исследования, определены его объект и предмет, сформулированы цель и задачи, обозначены территориальные и хронологические рамки, дана оценка степени разработанности темы, указаны методы, теоретические и фактографические основы работы, теоретическая и практическая значимость, изложены положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Диалекты карельского языка в теории и практике исследовательского поля прошлого и настоящего» посвящена описанию положений, составивших теоретическую базу диссертационного исследования.

В разделе 1.1 представлены основные понятия лингвогеографии и диалектометрии, описана методология работы. Теоретические основы отечественной лингвистической географии были разработаны в середине прошлого столетия в процессе составления «Диалектологического атласа русского языка» и представлены в обобщающих трудах Р. И. Аванесова¹ и других членов Московской диалектологической школы. К основным задачам лингвогеографии относится изучение структуры диалектного языка в его территориальном варьировании и выделение диалектов. Ее объектом выступает диалектный ландшафт, предметом – диалектные различия (междиалектные соответствия). Лингвогеографическая теория и структурный подход к изучению диалектов получили широкое развитие в исследованиях многих языков России,

¹ См., напр., Вопросы теории лингвистической географии [Текст] / под ред. Р. И. Аванесова. М.: АН СССР, 1962. 254 с.

однако методологические основы интерпретации данных лингвогеографических карт в синхронном и диахроническом аспектах все еще находятся в процессе разработки. Здесь на помощь диалектологам приходят традиционные методы сравнительно-исторического языкознания, данные памятников письменности. В последние десятилетия популярность набирают диалектометрические подходы, становление которых было продиктовано сложностями анализа больших объемов накопленных неоднородных языковых данных.

Из финно-угорских языков в диалектометрическом плане наилучшим образом обследован финский². Математические методы анализа применительно к карельскому языку впервые использовал К. Виик³, вручную подсчитавший процент различий между пунктами с карт «Диалектологического атласа карельского языка» (1997). Результаты обчета того же массива диалектных данных методом кластеризации Борувки-Соллина, осуществленного профессором информатики М. Пенттоненом совместно с автором настоящего исследования⁴, позволили сделать вывод о возможности использования диалектометрических подходов для решения проблем карельской диалектологии при условии расширения источниковой базы и привлечения для верификации результатов альтернативных алгоритмов.

В разделе 1.2 описана история разработки диалектной классификации карельского языка, представлены ее варианты и выявлены основные проблемы. Карельский язык относится к северной группе прибалтийско-финской ветви уральской языковой семьи. Согласно традиционной классификации, он подразделяется на три наречия: собственно карельское, ливвиковское и людиковское, обнаруживающие существенные различия на всех языковых уровнях. Такое деление укоренилось в российском финно-угроведении благодаря исследованиям Д. В. Бубриха и А. А. Белякова. В работах финляндских феннистов (П. Виртаранта, М. Пахомова и др.) людиковские говоры считаются самостоятельным прибалтийско-финским языком. В последнее десятилетие проблема определения языкового статуса распространилась также на язык карелов-ливвиков и тверских карелов.

В основу ставшей традиционной системы диалектного членения наречий карельского языка (рис. 1), разработанной в 80–90 гг. XX в. в ходе подготовки линейки диалектных словарей и диалектологических атласов, был положен предложенный Э. Лескинен⁵ в 1930-е г. административный принцип. Он заключается в использовании волостных границ Карелии начала XX в. для вычленения диалектных ареалов карельского языка. Число последних в вариантах

² См., напр., Wiik K. Suomen murteet. Kvantitatiivinen tutkimus [Текст] / K. Wiik. Helsinki: SKS, 2004; Clustering Lexical Variation of Finnic Languages Based on Atlas Linguarum Fenni-carum [Текст] / T. Honkola, J. Santaharju, K. Syrjänen, K. Pajusalu // *Linguistica uralica*. 2019. № 3. P. 161–184.

³ Wiik K. Karjalan kielen murteet. Kvantitatiivinen tutkimus [Текст] / K. Wiik. Turku, 2004.

⁴ Карельский язык в грамматиках: сравнительное исследование фонетической и морфологической систем [Текст] / И. Новак, М. Пенттонен, А. Руусканен, Л. Сиилин. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.

⁵ Karjalan kielen näytteitä I, II, III [Текст] / Toim. E. Leskinen. Helsinki: SKS, 1932–1936.

классификации варьируется от 35 до 49, при этом далеко не между всеми из них удается обнаружить какие-либо существенные различия, что, в свою очередь, является необходимым условием для выделения диалектов. Кроме явно завышенного в классификации числа диалектов, наблюдается несовпадение границ отдельных из них с изоглоссами диалектно-дифференцирующих явлений. Наличие перечисленных несоответствий указывает на очевидные для анализируемой системы проблемы выбора основного принципа диалектного членения и территориальной неясности распространения диалектных единиц, требующие переработки диалектной классификации карельского языка.

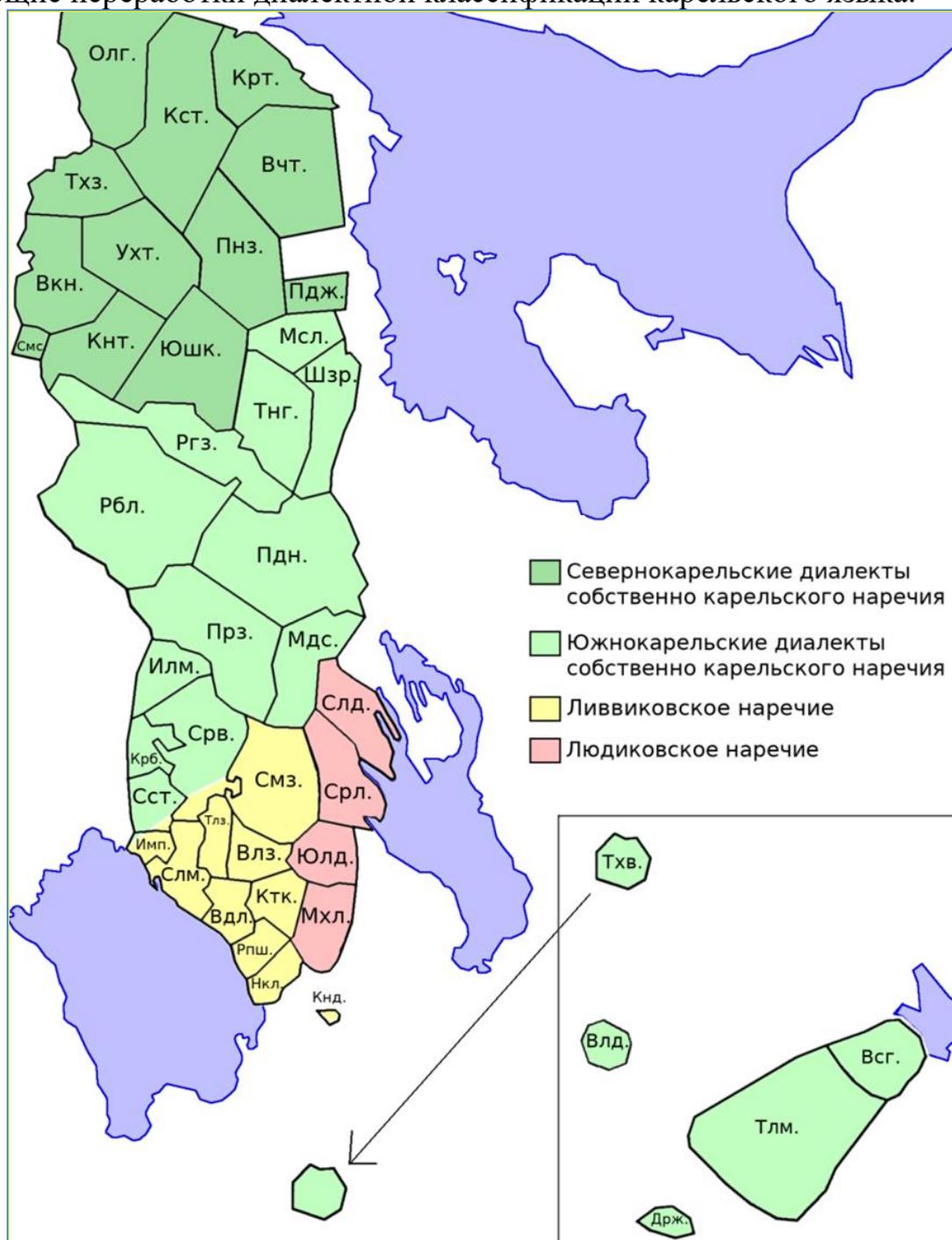

Рис. 1. Традиционная диалектная классификация карельского языка⁶

Раздел 1.3 посвящен обзору истории формирования диалектной карты карельского языка – длительного процесса, включившего в себя внутренние языковые изменения, продолжавшееся на протяжении нескольких столетий влияние со стороны близкородственных языков и неродственного русского языка, а также вызванные интенсивными разнонаправленными миграциями карелов межнародные и междиалектные контакты.

Сложение народности корела в Приладожье относится к началу II тысячелетия. Установление в 1323 г. границы между Россией и Швецией привело к разделению восточных финских диалектов и древнекарельского языка. Войны XVI–XVIII вв. повлекли за собой массовые переселения карелов на территории Северной и Средней Карелии, Тверской и Новгородской губерний, где произошло сложение диалектов собственно карельского наречия, а также на Олонецкий перешеек, где окончательно сформировались ливвиковское и людиковское наречия. Особо сложная диалектная ситуация представлена в пограничной между наречиями карельского языка зоне – в регионе Средней Карелии.

Завершение процесса формирования современной карельской диалектной карты можно условно отнести к началу XX в., тогда как на его вторую половину пришелся этап стремительной языковой и этнической ассимиляции. За прошедшие 70–80 лет диалектная речь, словно застыв на определенном этапе своего развития, не претерпела каких-либо существенных изменений, что объясняется постепенным переходом на русский язык, заметно затормозившим процессы взаимодействия между говорами и диалектами.

В разделе 1.4 представлены обзоры фиксаций карельской диалектной речи и научных работ по карельской диалектологии.

Раздел 1.5 посвящен описанию алгоритмов двух диалектометрических методов, использованных для достижения поставленной в исследовании цели.

Метод анализа когнатов применяется для выявления регулярных фонологических междиалектных соответствий с учетом позиций и условий их функционирования. Его использование обеспечивает инструментарий лингвистической платформы LingvoDoc⁷. Источником данных для обсчета выступают материалы «Сопоставительно-ономасиологического словаря

⁶ вдл. – видлицкий, вкн. – вокнаволоцкий, влд. – валдайский, влз. – ведлозерский, всг. – весьегонский, вчт. – вычтайбольский, држ. – держанский, илм. – иломантсинский, имп. – импилахтинский, кнд. – кондушский, кнт. – контокский, крб. – корбисельгский, крт. – керетский, кст. – кестеньгский, ктк. – коткозерский, мдс. – мяндусельгский, мсл. – маслозерский, мхл. – михайловский, нкл. – некульский, олг. – олангский, пдж. – подужемский, пдн. – паданский, пнз. – панозерский, прз. – поросозерский, рбл. – ребольский, ргз. – ругозерский, рпш. – рыпушкальский, слд. – севернолюдиковский, слм. – салминский, смз. – сямозерский, смс. – суомуссалмский, срв. – суоярвский, срл. – среднелюдиковский, сст. – суйстамский, тлз. – тулмозерский, тлм. – толмачевский, тнг. – тунгудский, тхв. – тихвинский, тхз. – тихозерский, ухт. – ухтинский, шзр. – шуезерский, юлд. – южнолюдиковский, юшк. – юшкозерский.

⁷ LingvoDoc: лингвистическая платформа [Электронный ресурс] / ИСП РАН. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/>

диалектов карельского, вепсского и саамского языков»⁸ – около 1,5 тыс. понятий на 24 говорах карельского и 6 говорах вепсского языка, собранные в 1979–1981 гг. в условиях экспедиционной работы. Результаты анализа визуализируются в виде таблиц, представленных списками рядов соответствий с подробными примерами, и матрицы различий, содержащей информацию о лингвистическом расстоянии между анализируемыми идиомами.

Метод кластерного анализа заключается в разбиении множества говоров по набору диалектных различий на группы (кластеры), компоненты которых обнаруживают между собой минимальное число различий. Он применим к материалам любого языкового уровня. Результаты кластеризации представлены в виде кластерных карт, содержащих наглядную информацию о границах ареалов распространения членов междиалектных соответствий. Для использования иерархических и итеративных методов кластеризации в приложении к карельскому диалектному материалу в рамках исследования была разработана база данных Murreh⁹, включившая расшифрованные и оцифрованные сведения из рабочих программ «Диалектологического атласа карельского языка»¹⁰, заполненных в 1937–1973 гг. в более чем 200 населенных пунктах Карелии и Тверской области¹¹. Каждая программа содержит ответы на 2000 вопросов, описывающих особенности фонологической, морфонологической, морфологической и лексической диалектных систем. Дополнительный сбор данных был произведен по отсутствующим в атласе тихвинскому, валдайскому и кондушскому говорам. Необходимым условием для определения языкового статуса людиковского идиома является вовлечение в анализ вепсских диалектных материалов, в связи с чем фактографическая база была дополнена соответствующими сведениями.

Использование в работе многоступенчатой кластеризации заключается в подготовке кластерных карт отдельных явлений и категорий, разработке на их основе сводных кластерных карт разных языковых уровней и уже затем итоговой карты, позволяющей проследить усредненные границы диалектных ареалов карельского языка.

В главе 2 «Определение регулярных соответствий в области вокализма» представлен обсчет диалектных систем гласных звуков. Инвентарь

⁸ Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков [Текст] / под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 348 с.

⁹ Murreh: диалектная база карельского языка [Электронный ресурс] / КарНЦ РАН. URL: <http://murreh.krc.karelia.ru/> База данных разработана ведущим инженером-исследователем лаборатории информационных компьютерных технологий Института прикладных математических исследований Карельского научного центра РАН Н. Б. Крижановской.

¹⁰ Бубрих Д. В. Диалектологический атлас карельского языка [Текст] / Д. В. Бубрих, А. А. Беляков, А. В. Пунжина. Helsinki: SUS, 1997. 10 с.

¹¹ Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка [Текст] // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. № 16–170, 261–263, 267, 268, 276; Оп. 5. № 79–94, 105–141, 161–166; Оп. 43. № 43–74, 116–132, 138, 140, 179–181, 195, 219–225, 228, 229, 274, 275. Петрозаводск, 1937–1950.

кратких гласных фонем карельских говоров идентичен. Обращает на себя внимание доминирующая роль гласных над согласными, четко проявляющаяся при сравнении с вепскими материалами. Привлечение диалектометрических алгоритмов позволило выявить шесть основных комплексов диалектных различий в вокалической системе карельского языка.

1. Наиболее богатой на соответственные явления оказалась система **расширяющихся дифтонгов** (раздел 2.1). В карельских говорах представлено по шесть рефлексов прибалтийско-финских долгих гласных **aa*, **ää* ударного слога (*tua* / *toa* / *tuo* / *too* / *tja* / *taa* ‘земля’, *riä* / *reä* / *rie* / *ree* / *rää* / *röä* ‘голова’). Пару рефлексов *aa* ~ *ää*, встречающуюся лишь в западных ливвиковских и восточных ругозерских собственно карельских говорах, очевидно, можно относить к архаизмам, тогда как получившие широкое распространение пары *oa* ~ *eä*, *ua* ~ *iä* – к пракарельской инновации. Остальные члены сопоставительного явления представляются более поздними образованиями.

Дифтонгизация долгих гласных и сочетаний гласных безударного слога (< **-Vða*, **-Vðä*, **-Vya*, **-Vyä*) восходит к раннему периоду развития языка. Рефлексы заударных **a-a*, **ä-ä* в собственно карельских и ливвиковских говорах, за некоторым исключением, совпадают с ситуацией ударного слога (*eleä* / *elyä* / *eliä* / *elää* / *elee* / *elöö* / *elie* / *elöä* ‘жить’). На месте праязыковых **u-a*, **y-ä*, **o-a*, **e-a*, **e-ä*, **i-a*, **i-ä* выступают пракарельские *ua* ~ *yä*, *ia* ~ *iä* (*koivua* парт. ед. ч. от *koivu* ‘береза’, *kiviä* парт. ед. ч. от *kivi* ‘камень’, *pimiä* ‘темный’), общекарельские инновационные *uo* ~ *yö*, *ie* (*koivuo*, *kivie*, *pimie*), древнеливвиковский дифтонг *ei* на конце начальных форм имен (*pimeä*), а также относительно поздние *uu* ~ *уу*, *i* в собственно карельских держанских говорах (*koivuu*, *kivi*). Людиковское наречие, как и вепский язык, отличается сохранением интервокальных согласных в заударной позиции и, соответственно, отсутствием дифтонгов (*koivud*, *kived*, *pimed*, *elädä*).

2. Рефлексы **сужающихся дифтонгов** представлены в карельских говорах более единообразно (раздел 2.2). Для собственно карельских мяндусельгских, севернолюдиковских и среднелюдиковских говоров характерен относимый к вепскому субстрату переход второго компонента у переднерядных сужающихся дифтонгов в заднерядное соответствие *u* (*keuh(ä/e)* ‘бедный’ < *keyhä*). Тихвинским говорам собственно карельского наречия свойственно позднее явление монофтонгизации (*kööhä* ‘бедный’ < *keyhä*, *lookko* ‘дырка’ < *loukko*). Кроме того, ряду собственно карельских южных говоров и основной части ливвиковских говоров присуще позднее развитие полугласного *w* / согласного *v* на месте второго компонента сужающихся дифтонгов в позиции перед *v* (*uvvet* ‘новые’ < *uuvet*).

Сужающиеся дифтонги на *i* ударного слога в позиции перед *sk* / *šk*, *st* / *št* утратили второй компонент (*las/šk(u)* ‘ленивый’, ср. с. к.¹²: *laiska*) в ливвиковском (кроме самых северных говоров) и людиковском наречиях, что возводится к древневепскому наследию. Выпадение второго компонента дифтонга касается

¹² Здесь и далее по тексту **с. к.** – собственно карельское наречие, **ливв.** – ливвиковское наречие, **люд.** – людиковское наречие.

также начальных форм имен на *-ine / -ini* собственно карельских и ливвиковских тулмозерских говоров (*kuldane/i* ‘золотой’, ср. ливв., люд.: *kuldaine*), а в косвенных падежах также южных ливвиковских говоров (*kuldaz/žet* ‘золотые’, ср. северные говоры ливв., люд.: *kuldaiz/žet*). Севернолюдиковским и михайловским говорам людиковского наречия свойственно инновационное явление монофтонгизации дифтонгов (*kuldaane, kuldaazet*).

Сохранение прибалтийско-финских праязыковых ауслатных дифтонгов, состоящих из лабиализованного гласного и *i*, представлено лишь в ливвиковских и северных людиковских говорах (*reboi* ‘лиса’), тогда как в собственно карельском наречии повсеместно произошло выпадение второго компонента дифтонга (*rebo*), южно- и среднелюдиковским говорам свойственна поздняя трифтонгизация (*rebuoi > rebuo*), а михайловским – монофтонгизация (*rebuu*).

3. Во всех наречиях карельского языка употребляются **долгие гласные** верхнего подъема *uu, уу, ii* (раздел 2.3). Для отдельных собственно карельских и ливвиковских говоров характерно позднее явление сужения их вторых компонентов (переход в полугласные *j, w* (согласный *v*)).

4. Важнейшие диалектные различия обнаруживает **конечная огласовка начальных форм одноосновных имен на *a-, ä-*** (раздел 2.4). В двусложных именах с долгим первым слогом гласные сохраняются в собственно карельском наречии (*leib/pä* ‘хлеб’), в современных ливвиковских говорах продолжение нашел древнеливвиковский переход **a > u, *ä > y* (*leiby*; в кондушских говорах – в *o, ö* (*leibö*)), в среднелюдиковских и южнолюдиковских говорах – в *e* (*leibe*), в остальных говорах людиковского наречия и в держанском собственно карельском говоре конечные гласные бесследно исчезли (*leib*). Для ряда многосложных имен ливвиковских и людиковских говоров также характерно выпадение конечных гласных **a, *ä* (*ikkun* ‘окно’, ср. с. к.: *ikkuna*). Кондушскому говору свойственны поздние переходы *i > e, y > ö, u > o* (*leske* ‘вдова’, *koivo* ‘береза’, ср. с. к.: *leş/ski, koivu*), а севернолюдиковским и михайловским говорам – утрата этих конечных гласных (*lesk, koiv*). Очевидно, людиковская апокопа имеет общие корни с вепским языком, тогда как выпадение конечных гласных держанских говоров – молодое явление.

5. В карельских говорах довольно последовательно представлен **рядный сингармонизм** (раздел 2.5). Анализ диалектных данных выявил наличие более и менее обильных нерегулярных случаев отступления от закона гармонии гласных в севернолюдиковских, среднелюдиковских и михайловских говорах, что объединяет их с вепским языком (*ižand(e)* ‘хозяин’, *kezrata* ‘прясть’, ср. с. к., ливв.: *izändä/y, kez/srätä*).

6. Для отдельных групп говоров карельского языка характерно явление **лабиализации гласных** (раздел 2.6). В позиции ударного слога нерегулярное диалектное различие, имеющее явные древневепские корни, проявляется в говорах ливвиковского и людиковского наречий и примыкающих к ним южных собственно карельских говорах (*pustäy / pyštäb* ‘колет’, ср. с. к.: *pistäy*). Гласный *e* в заударной позиции подвержен регрессивной лабиализации в основной массе собственно карельских говоров Карелии и центральных толмачевских говорах

(*väg/kövät* ‘сильные’, *luk/gomah* III инф. илл. от ‘читать’, ср. ливв., люд.: *vägevät, lugemah/i*, что дает основание относить явление к древнекарельской инновации.

Применение методики анализа когнатов позволило разбить говоры карельского языка по вокализму на три группы, совпавшие с делением на наречия. На сводной кластерной карте говоры аналогичным образом сформировали три кластера, соответствующих наречиям с традиционной диалектной карты. Сложение диалектно-дифференцирующих явлений вокалической системы карельской речи в большинстве своем восходит к пракарельскому и древнекарельскому периодам функционирования языка. Речь идет о системах расширяющихся и сужающихся дифтонгов на *i*, конечной огласовке начальных форм имен, лабиализации гласных. Именно их изоглоссы в совокупности разделили обследуемые говоры на три группы, в каждой из которых инновационные и архаичные члены сопоставительных явлений представлены в разном соотношении. Ливвиковская и людиковская группы демонстрируют наличие явных следов влияния со стороны древневепсской фонологии.

На более подробном уровне кластеризации собственно карельский кластер представлен тремя группами (группа говоров северной половины Карелии и Центральной России, группа поросозерских и мяндусельгских говоров, группа паданских говоров), ливвиковский – четыремя (группа центральных говоров, группа видлицких и южных тулмозерских говоров, группа северных сямозерских говоров, ливвиковский говор Кондушей), людиковский – тремя (группа севернолюдиковских и северных среднелюдиковских говоров, группа южнолюдиковских и южных среднелюдиковских говоров, группа михайловских говоров). Выделение групп говоров в составе наречий основано на результатах позднего перекрестного влияния вокалических систем в контактных зонах (Средняя и Южная Карелия), а также на поздних старокарельских инновационных явлениях (особенности долгих гласных, рефлексии систем расширяющихся и сужающихся дифтонгов второго слоя). Наличием большого числа поздних инноваций отличаются группы паданских, держанских и тихвинских собственно карельских, юго-восточных и кондушских ливвиковских, а также михайловских людиковских говоров. Западные ливвиковские говоры, напротив, характеризуются сохранением архаизмов.

В главе 3 «Определение регулярных соответствий в области консонантизма» внимание уделено выявлению диалектно-дифференцирующих явлений в системе согласных звуков карельских говоров.

1. Возводимая к раннему периоду развития языка **оппозиция согласных по глухости / звонкости** (раздел 3.1) относится к непротивопоставленным диалектным различиям, поскольку не представлена в северных собственно карельских диалектах (*koti* ‘дом’, *vesi* ‘вода’, ср. южнокарельские диалекты с. к., ливв., люд.: *kodi, vezi*), что в свою очередь объясняется результатом позднего влияния со стороны соседних говоров финского языка. Согласно кластерным картам, расхождение изоглосс между «глухим» и «звонким» ареалами на территории Северной Карелии зависит не только от артикуляционных свойств согласных (смычно-взрывной, щелевой), но и от их фонетического окружения

(интервокальное положение, положение в позиции до или после сонорного согласного).

2. Одним из важнейших диалектно-дифференцирующих признаков карельского консонантизма является **дистрибуция переднеязычных щелевых согласных** *s / š, z / ž*, зависящая от нескольких факторов, в одних диалектах выступающих независимо друг от друга, в других – в совокупности и при этом в различных возможных комбинациях: позиция в слове, фонетическое окружение, качество гласных слова. В разделе 3.2 приведены результаты 16 кластеризаций свистящих / шипящих согласных в различных позициях, предоставивших сильно расходящиеся изоглоссы: в анлауте перед гласными заднего ряда, перед *i*, перед остальными гласными переднего ряда, в инлауте в интервокальной позиции после *i*, перед *i* в словах заднерядного вокализма, перед *i* в словах переднерядного вокализма, в окружении прочих переднерядных гласных, в окружении заднерядных гласных, в составе сочетания *kš / ks* в позиции после *i*, в составе сочетаний *kš / ks, pš / ps* перед *i*, в составе сочетаний *kš / ks, pš / ps* в прочих позициях, в постсонорной позиции (*rš / rs / rz / rž, nš / ns / nz / nž*), в составе сочетаний *šk / sk, št / st* в позиции после *i*, в составе сочетаний *šk / sk, št / st* в прочих позициях, в положении перед сонорным согласным *v*, в ауслауте.

Согласно результатам сводной кластеризации, по дистрибуции свистящих / шипящих согласных современные карельские говоры подразделяются на две крупные зоны: собственно карельскую, характеризующуюся использованием свистящих согласных в позиции после гласного *i* (*šeiž/sou* ‘стоит’, *laiska* ‘ленивый’) и широким употреблением шипящих согласных в остальных позициях (*šeinä* ‘стена’, *uusž/i* ‘новый’, *lapsi* ‘ребенок’), и ливвиковско-людиковскую, демонстрирующую противоположную ситуацию (*seižov, lašk(u/e), sein(y/ä/e), uuzi, laps(i)*). Сложение двух зон с диаметральной картиной дистрибуции переднеязычных щелевых, нашедшее подтверждение и в памятниках письменности, указывает на их древнекарельский инновационный характер. На формирование собственно карельского представительства явления значительное влияние оказал древнерусский язык, а ливвиковско-людиковского – древневепский. В старокарельский период развития языка на территории Средней Карелии в результате перекрестного влияния двух противопоставленных зон произошло смешение случаев употребления свистящих и шипящих согласных, что привело в итоге к сложению здесь широкой полосы переходных говоров.

3. Отличительной чертой, объединившей южнокарельские говоры собственно карельского наречия Карелии, северо-западные и кондушские говоры ливвиковского наречия, а также все людиковские говоры, является **переход $j > d'$** (*d'yvä* ‘зерно’, *kard'u* ‘стадо’, ср. севернокарельские говоры с. к.: *jyvä, karja*), относящийся к довольно молодым явлениям карельской диалектной речи (примерно конец XVII – начало XVIII в.) с чисто ареальной природой (раздел 3.3).

4. **Корреляция по твердости / мягкости** в диалектах карельского языка затрагивает переднеязычные согласные *l, n, r, t, d, s, z* (раздел 3.4). Степень палатализации в говорах значительно варьируется и зависит как от положения согласного в слове, его артикуляционных свойств, так и от непосредственного

фонетического окружения. Результаты анализа показали, что наиболее широкое распространение явление получило в южнокарельских говорах собственно карельского наречия (*l'ehmä* 'корова', *t'edr'i* 'тетерев', *n'en'ä* 'нос', *hiir'i* 'мышь', *n'ivel'* 'сустав'). Вызванное очевидным влиянием древнерусских говоров смягчение переднеязычных согласных первого слоя (в позиции перед и после *i* или *j*) возводится к древнекарельскому периоду развития языка. В старокарельский период русско-карельское двуязычие способствовало дальнейшему постепенному расширению палатализации на востоке собственно карельской территории (особенно в диалектах Центральной России), тогда как влияние финского языка на северо-западе, наоборот, сдерживало ее развитие. В ливвиковском наречии, сохранившем слабую степень палатализации, таким образом, нашел отражение наиболее ранний облик лексем (*lehmy*, *tedri*, *nenä*, *hiiri*, *n'ivel*). Отражение явления в людиковском наречии обнаруживает общие черты с вепскими говорами (*l'ehm*, *t'/tedri*, *nenä*, *hiir'i*, *n'ivel'/l*), но в целом смягчение в нем представлено не столь обильно.

5. Анализ диалектного материала позволил обнаружить характерный для михайловских людиковских говоров и отдельных юго-восточных говоров ливвиковского наречия относительно молодой нерегулярный **переход *l > u*** в словах заднерядного вокализма (*peud(o)* 'поле', ср. с. к., ливв.: *peldo*) (раздел 3.5). Очевидно, данный переход развился в результате позднего влияния фонологической системы соседних говоров вепского языка, в которых он также относится к поздним инновациям, возводимым к влиянию северо-восточных русских говоров.

6. В **системе геминат** (раздел 3.6) выведено два сопоставительных явления. Речь идет об использовании на месте небно-зубной геминированной аффрикаты *čč* зубной аффрикаты *сс* в группе михайловских и севернолюдиковских говоров (*тесс* 'лес', ср. с. к., ливв.: *тесчä/y*), что возводится к результатам контактирования с вепским языком. Кроме того, был очерчен ареал относительно позднего сокращения постсонорных смычно-взрывных геминат: говоры собственно карельского наречия Центральной России, юго-западная половина говоров ливвиковского наречия, михайловские и отдельные средне- и севернолюдиковские говоры (*värtin(ä)* 'веретено', *čirk(u/oi)* 'воробей', ср. говоры с. к. Карелии: *värttinä*, *čirkku*).

7. Ряду южнокарельских говоров собственно карельского наречия, северо-восточным и кондушским ливвиковским говорам, а также людиковским говорам свойственно позднее инновационное явление **метатезы сочетания согласных *nh*** по смежности (*tahnut/o* / *tahn(e)* 'двор', ср. севернокарельские говоры с. к.: *tanhut/o*) (раздел 3.7).

8. Паданские и восточные ругозерские говоры собственно карельского наречия обнаружили явление **выпадения интервокального согласного *v*** (*hyä* 'хороший', ср. остальные говоры: *huvä*), также относимое к поздним инновациям (раздел 3.8).

9. Целому ряду лексем ливвиковских и людиковских говоров свойственно затрагивающее наречия, числительные и частицы изолированное диалектное различие, заключающееся в **утрате конечного согласного *n*** (*kaheksa* 'восемь',

enn/de ‘прежде’, ср. с. к.: *kahekš/san, enne(i)n*). Диалектное различие представляется довольно древним фонетически обусловленным явлением, получившим продолжение в древневепсском языке, а уже из него перешедшим в восточный регион распространения древнекарельского языка (раздел 3.9).

Консонантная диалектная система карельского языка определенно более молодая, чем вокалическая: основная часть выведенных диалектных различий – старокарельские (поздние) инновации ареального характера: поздний слой палатализации, сокращение постсонорных геминат, утрата общекарельской оппозиции по глухости / звонкости в северных говорах собственно карельского наречия, имеющие людиковскую основу переход $j > d'$ и метатеза сочетания согласных *nh*, или локального характера: сокращение ауслатных геминат, переход $l > u$, использование аффрикаты *s* в людиковских, выпадение интервокального *v* в собственно карельских паданских говорах. Переход в определенных фонетических позициях свистящих щелевых в шипящие, тенденция к смягчению согласных (первый слой палатализации) и выпадение конечного *n*, напротив, образуют группу ранних (древнекарельских) инноваций.

Алгоритм анализа когнатов на основе выявленных диалектных различий разбил говоры карельского языка на пять групп: 1) группа севернокарельских говоров собственно карельского наречия, 2) группа северных южнокарельских говоров собственно карельского наречия, 3) группа южных южнокарельских говоров собственно карельского наречия Карелии с северными людиковскими говорами, 4) группа южнокарельских говоров собственно карельского наречия Центральной России, 5) группа ливвиковских говоров с южными людиковскими говорами. На итоговой сбалансированной кластерной карте по консонантизму анализируемые говоры разбились на три кластера: собственно карельский с севернолюдиковскими и северными среднелюдиковскими говорами (на более подробных картах выделились кластеры, соответствующие по ряду позиций группам, полученным методом анализа когнатов), ливвиковско-людиковский и михайловский людиковский. Таким образом, за счет большого числа поздних инноваций сводные изоглоссы по консонантизму разошлись с аналогичными по вокализму и, соответственно, с границами наречий. Относительную идентичность продемонстрировали ливвиковские и людиковские говоры, чего нельзя сказать о группах, сформированных в рамках собственно карельского наречия. Людиковский ареал оказался разорванным за счет вливания северных людиковских говоров в общий кластер с южными собственно карельскими.

Глава 4 «Определение регулярных морфонологических соответствий» посвящена анализу явления качественной альтернации, заключающейся в выпадении или замене другими согласными в фонологически слабой позиции смычно-взрывных *k, g, t, d, p, b*. Выдающейся особенностью людиковской диалектной речи, объясняемой результатом влияния древневепсского морфонологического строя, является практически полное отсутствие в ней данного вида чередования ступеней согласных при наличии количественного. Собственно карельская и ливвиковская альтернационные системы обнаруживают следующие диалектные различия.

1. Слабоступенными альтернантами одиночных *g / k, d / t* (раздел 4.1) в зависимости от непосредственного фонетического окружения выступают нуль звука (*0*) или носящие вставочный характер альтернанты *j* (после *i, e*, перед *i*) и *v* (при наличии в непосредственной близости лабиализованного гласного). Основные отличия в использовании альтернантов *0* (в большей части говоров с. к. и в ливв.: *hieššä / hies(sä)* ‘в поту’ (< *hig/ke-*), *viet / veet / veit* ‘воды’ (< *ved/te-*), *kiät / keet / köät / keät / käit / käet* ‘руки’ (< *käd/te-*)) и *j* (в ряде говоров с. к.: *hiješšä, vejet, käjet*) проявляются в положении после кратких гласных *i, e* и перед гласным *e*. Развитие вариантов слабоступенных альтернантов интервокальных смычно-взрывных согласных, выступающих в позиции после долгих ударных слогов, восходит к раннему периоду развития языка. Со временем вставочные согласные отличным образом стали проникать и в другие интервокальные позиции, что привело к формированию членов рассмотренных междиалектных соответствий.

Восточные собственно карельские говоры Средней Карелии выделяются использованием в слабой степени нуля звука при наличии в непосредственной близости лабиализованного гласного (*hauat* ‘ямы’ (< *hauda*), *maot* ‘черви’ (< *mado*), ср. остальные говоры с. к. и ливв.: *havvat / hauvat / hauvvat, mavot*). Эта же группа отличается отсутствием характерного для большей части собственно карельских и ливвиковских говоров чередования *b / p : v* в интервокальной позиции (*hebot* ‘лошади’ (< *hebo*), *leibät* ‘хлебá’ (< *leibä*), ср. остальные говоры с. к. и ливв.: *hevot, leivät*). Представленные особенности являются поздними инновациями.

2. Постсонорные смычно-взрывные согласные (раздел 4.2) в слабой степени чередования выпадают, ассимилируются с сонорными или не подвергаются изменению. Слабоступенными соответствиями сочетаний *lg / lk, rg / rk* в северной половине говоров собственно карельского наречия выступают одиночные согласные *l, r* (*jalat* ‘ноги’ (< *jalg/ka*), *arat* ‘робкие’ (< *arg/ka*)), тогда как в остальных собственно карельских и ливвиковских говорах представлены геминированные *ll, rr* (*j/d'allat, arrat*). Сочетания согласных *ld / lt, rd / rt, nd / nt, mb / mp* в слабой степени ведут себя везде одинаково, но в ливвиковских говорах важную роль сохранило условие ударности / безударности содержащего чередующийся согласный слога (*pellot* ‘поля’ (< *peldo*), но ливв.: *iz/žändät* ‘хозяева’ (< *izändä-*), ср. с. к.: *iz/sännät*).

3. Наличие важных диалектных различий демонстрирует альтернация смычно-взрывных согласных, выступающих в позиции после согласных *t, h, s, š* (раздел 4.3). Сочетания согласных *tk, hk, ht, sk / šk, st / št* в ливвиковском наречии, как и в людиковском, сохраняют свой сильноступенный облик в фонологически слабой позиции слова. В собственно карельских говорах смычно-взрывные согласные сочетаний *tk, ht* выпадают (*pität* ‘длинные’ (< *pitkä*), *lehet* ‘листья’ (< *lehte-*)), дентальный согласный сочетания *st / št* ассимилируется с переднеязычным щелевым (*mušš/ssat* ‘черные’ (< *muš/sta*)), велярный согласный сочетания *sk / šk* в южнокарельских говорах подвержен ассимиляции (*koss/ššet* ‘пороги’ (< *kos/ške-*)), а в севернокарельских – выпадению (*koš/ž/set*). Широкое распространение этих видов чередования во всех собственно карельских говорах позволяет возводить их к древнекарельскому периоду развития языка. Сочетание

согласных *hk* вступает в отношения альтернации не повсеместно и нерегулярно (*nahat / nahkat* ‘шкур’ (< *nahka*)), что указывает либо на незавершенность сложения данного вида альтернации до массовых переселений карелов, либо на возможность его частичного нивелирования уже в диалектах древнего собственно карельского наречия.

На верхнем уровне сводной кластерной карты по качественной альтернации согласных образовалось три группы говоров, изоглоссы которых, восходящие к древнекарельскому периоду, совпали с границами наречий. Помимо прибалтийско-финских праязыковых и общекарельских видов морфонологического явления современные собственно карельские говоры отразили древнекарельский инновационный процесс вступления в отношения чередования смычно-взрывных, выступающих в позиции после глухих согласных. Практически лишенная внутренних диалектных различий ливвиковская альтернация выделилась за счет своего архаичного характера. Людиковская морфонология продемонстрировала наличие сильного древневепсского субстрата.

Незавершенность к концу древнекарельского периода процесса сложения системы чередования интервокальных смычно-взрывных и определенная диалектная вариативность древнекарельской морфонологии в совокупности с поздними инновациями в восточных говорах Средней Карелии послужили причиной разбиения собственно карельского кластера на более детальном уровне кластеризации на четыре группы: группу севернокарельских говоров, группу говоров Средней Карелии и две группы говоров Центральной России, при этом значительная часть морфонологических изоглосс совпала с изоглоссами по вокализму или консонантизму.

В главе 5 «Определение регулярных морфологических соответствий» представлен обзор именных и глагольных диалектных словоизменительных систем карельского языка – постфиксального языка агглютинативного морфонологического типа.

Членами морфологических соответствий выступают как отдельные словоизменительные аффиксы (алломорфы и их фонемный состав), так и целые словоизменительные парадигмы.

1. Диалектные различия обнаруживает схема образования **словоизменительных основ множественного числа** грамматических падежей (раздел 5.1). Севернокарельские говоры собственно карельского наречия и северные людиковские говоры используют со всеми словоизменительными типами имен единый показатель множественности *-i-* (*rebo-i-n / rebo-j-en / rebo-i-den / rebuo-i-den* ген. мн. ч. от ‘лиса’, *ö-i-dä / ö-i-d / yö-i-t / yö-i-d* парт. мн. ч. от ‘ночь’, *valge-i-jen / valke-j-en / valged-i-den / valge-i-den* ген. мн. ч. от ‘белый’). Собственно карельские говоры Средней Карелии и Центральной России и северные ливвиковские говоры характеризуются доминирующим использованием показателя *-loi-* / *-löi-* (*rebo-loi-n, yö-löi-dä / yö-löj-ä / yö-löi, valgie-loi-n / valgei-loi-n / valgie-loi*), становление которого относится к раннему периоду развития языка. В остальных говорах представлены различные пропорции использования архаичного и инновационного показателей множественности.

2. Количество **падежей** в диалектах карельского языка варьируется, что объясняется результатом слияния нескольких падежных аффиксов в один (адессива и аллатива в с. к., инессива и элатива в ливв. и люд., адессива и аблатива в люд., всех внешнеместных падежей в ливв.) или разной степенью продуктивности отдельных из них (напр., употребление аппроксиматива и эгрессива характерно для говоров ливв., люд. и говоров Центральной России, а терминатива – только для ливв. и люд.). Диалектные различия обнаруживает структура падежных показателей генитива множественного числа (говоры с. к. Карелии, ливв.: *lapši-en* от ‘ребенок’, говоры с. к. Центральной России: *lapšii-n* / *lapšilo-i-n*, люд.: *lapši-den*), партитива единственного числа (с. к., ливв.: *kivi-e* / *kive-e* / *kivi-ä* / *kivi-i* от ‘камень’, люд.: *kive-d* / *kive-t*; с. к.: *korkea-ta* / *korgie/a-da* от ‘высокий’, ливв.: *korgie/a-du*, люд.: *korgeda-d* / *korgta-d* / *korgeda-t*), партитива множественного числа (говоры с. к. Карелии: *šano-ja* от ‘слово’, говоры с. к. Центральной России: *šanoi-da*, ливв.: *sanoi* / *sanoi-du*), эссива (с. к.: *paimeni-na* ‘пастухами’, ливв.: *paimoloi-nnu*, люд.: *paimeni-n* / *paimoloi-n*), транслатива (с. к.: *opastaja-kši* ‘учителем’, ливв.: *opettaja-kše*, люд.: *opendaja-ks*), инессива (с. к.: *kylä-ššä* ‘в деревне’, ливв., люд.: *kylä-s*), элатива (с. к.: *mečä-štä* ‘из леса’, ливв., люд.: *mečä-s* / *mečä-späi* / *mečä-spiäi*), адессива (с. к.: *veiče-llä* ‘ножом’, ливв., люд.: *veiče-l*), аблатива (с. к.: *kaivo-lta* / *kaivo-lda* ‘с колодца’, ливв., люд.: *kaivo-l* / *kaivo-lpäi* / *kaivo-lpiäi*), аллатива (с. к.: *uko-lla* ‘стариком’, ливв.: *starika-l*, люд.: *starika-le* / *uko-le*), иллатива (с. к., ливв., южнолюдиковские говоры: *kyly-h* ‘в баню’, паданские и тихвинские говоры с. к.: *kyly-u*, северно- и среднелюдииковские говоры: *kyly-i*, михайловские говоры люд.: *kyly-he* / *kyly-hu*; михайловские говоры люд.: *venehe-ze* ‘в лодку’, остальные говоры: *venehe-h* / *venehe-e* / *venehe-i*), абессива (с. к.: *denga-tta* / *raha-tta* ‘без денег’, ливв.: *d’enga-ttah*, южные говоры люд.: *den’ga-ta*, севернолюдиковские говоры: *denga-ttai*), комитатива (говоры с. к. Карелии: *tuaton kera* ‘с отцом’, говоры с. к. Центральной России: *tuata-nke* / *tuaton-kenka* / *tuaton-ken* / *toata-nkel* / *toata-nker*; говоры с. к. Карелии: *akko-neh* ‘(дед) с бабой’, южные сямозерские говоры ливв.: *perehi-nneh* ‘с семьей’). В разделе 5.2 подробно рассмотрены ареалы распространения членов выявленных морфологических различий и проанализирована история их сложения.

3. Наличие диалектных различий демонстрируют **лично-числовые окончания** 3 лица единственного числа (с. к., восточные говоры ливв., люд.: *s/šano-u* / *šano-v* ‘говорит’, западные говоры ливв.: *s/šano-o* / *šano-h*, михайловские говоры люд.: *sanu-b*), 1 и 2 лица множественного числа (с. к.: *löyvä-ttä* ‘вы найдете’, *kant/do-ma* ‘мы принесли’, ливв.: *löyvä-ttö*, *kannoi-mmo*, люд.: *löydä-tte*, *kandoi-mme*, михайловские говоры люд.: *löidä-t*, *kandoi-m*), 3 лица множественного числа (паданские и тихвинские говоры с. к.: *purra-a* ‘кусают’, северно- и среднелюдииковские говоры: *purda-u* / *purda-v*, михайловские говоры люд.: *purda-ze*, остальные говоры: *purr/t/da-h*) (раздел 5.3).

4. Для карельского языка характерно грамматически выраженное противопоставление форм настоящего и прошедшего времени (раздел 5.4). **Имперфект** обладает двумя показателями: наиболее архаичным *-i-* и возводимым к прибалтийско-финскому языку-основе *-zi-* / *-si-* / *-ži-* (ряд исследователей, однако, относит элемент *s* к согласному *t* основы, подвергнутому переходу **ti* >

si). Второй сохранился только в собственно карельских говорах Карелии и людиковских говорах. Он используется исключительно с двусловными стяженными глаголами (*ava-si-t / ava-zi-t / ava-izi-t / ava-ži-t* ‘ты открыл’, остальные говоры: *ava-i-t*). В говорах собственно карельского наречия показатель *-i-* в положении после лабиализованных гласных в формах 3 лица единственного числа, 1 и 2 лица множественного числа выпадает (*and/to* ‘он дал’, остальные говоры *andoi / anduoi / anduo / anduu*), что соотносится с древнекарельской фонологической инновацией.

5. Из косвенных наклонений (раздел 5.5) наибольшее число диалектных различий обнаружили показатели **императива** (с. к.: *anda-kkoa / anda-kkua / anda-kkaa / anda-kkuo / anda-kkja* ‘дайте’, люд.: *anda-gad / anda-gat / an-kat / anda-gatte*, ливв.: *ando-at / anda-at / andu-at / ando-ot / andu-ot / andu-ade / ando-ade / anda-atto*; с. к.: *elä-kkäh / elä-kkää* ‘пусть они живут’, западные говоры ливв.: *ele-ttähes / ele-ttäheze / ele-ttähäs / ele-ttähäs*, тогда как в остальных говорах используются аналитические формы 3 лица императива). Кластеризация материалов диалектной базы позволила выделить ареалы употребления в говорах карельского языка полного (люд.: *anda-iži-n / anda-ažii-n / anda-azii-n / anda-izi-n* ‘я дал бы’; с. к., люд.: *anda-is / anda-iž / anda-iš* ‘он дал бы’) и сокращенного (с. к., ливв.: *anda-zi-n / anta-si-n / anda-ži-n / anda-zii-n*; ливв.: *anda-s / anda-š / anda-ž*) показателей **кондиционала**. Кроме того, ливвиковское и людиковское наречия дифференцирует такая возводимая к вепсскому языку черта, как наличие особых синтетических форм имперфекта кондиционала, не свойственных собственно карельским говорам. Диалектные различия также демонстрирует показатель **потенциала**, выступающий в говорах карельского языка с геминированным и негеминированным согласными компонентами (говоры с. к. Центральной России: *anda-nno-u* ‘возможно, он даст’, говоры с. к. Карелии, ливв., люд.: *anda-no-u*).

6. Из **именных глагольных форм** (раздел 5.6) диалектно-дифференцирующим потенциалом наделены показатели I инфинитива одноосновных глаголов с основой на дифтонг или долгий гласный (с. к., ливв.: *sua-ha / soa-ha / šua-ha / šoa-ha / šja-ha* ‘достать’, люд.: *sua-da / soa-da*, некульские и рыпушкальские говоры ливв.: *suo-ja / sua-ja*), II инфинитива (с. к.: *oštu-o-šša / oštu-o-s's'a* ‘покупая’, ливв.: *osta-je-s / osta-e-s*, люд.: *osta-de-s / osta-de-z*), I причастия актива (с. к.: *lug/ki-ja* ‘читающий’, ливв.: *lugi-ju*, ливв., люд.: *lugi-i*), II причастия актива, используемого для образования сложных глагольных форм (тунгудские, паданские, ребольские, поросозерские говоры с. к. и видлицкие говоры ливв.: *et tul-lut* ‘ты не пришел’, остальные говоры с. к.: *et tul-lun*, остальные говоры ливв.: *et tul-luh*, люд.: *et tul-nu*), партитивной формы II причастия пассива (говоры с. к. Карелии и южные говоры ливв.: *oss/šše-ttuo / oste-ttuo* ‘купив’, говоры с. к. Центральной России, северные говоры ливв., люд.: *osta-huu / osta-hui / os/šta-huo / osta-hut / osta-hutte*, северно- и среднелюдиковские говоры: *osta-ttuhut*).

7. Характерной чертой ливвиковских и людиковских говоров является наличие в них **возвратного спряжения**, обладающего особым набором личностно-числовых окончаний (раздел 5.7), что объясняется поддержкой со стороны

древневепского языка, в котором прибалтийско-финская праязыковая категория получила свое развитие в отличие от древнекарельского.

Сводные кластерные карты по именному и глагольному словоизменению на верхних уровнях продемонстрировали наличие четких пучков изоглосс, совпадающих с границами между тремя относительно устойчивыми в плане морфологии карельскими наречиями. Формирование основной части выведенных изоморфов, в том числе возникших в результате влияния диалектной фонологии и морфонологии (суффиксальной альтернации), восходит к пракарельскому или древнекарельскому периодам развития языка. Морфологическая структура древнего собственно карельского наречия на фоне сохранения архаизмов (система падежей конкретного значения, послеложных конструкций, лично-числовых показателей) получила ряд инноваций (аппарат грамматических и местных падежей, а также именных глагольных форм). Древнеливвиковская морфология объединила архаичные (схема образования генитива множественного числа и форм инфинитивов, огласовка аффикса транслатива) и инновационные (совокупность местных падежей и лично-числовых аффиксов, тенденция к образованию послеложных падежей, форманты партитива и причастий, развитие рефлексивного спряжения) черты, часть из которых сложилась в результате влияния грамматического строя древневепского языка. Древнелюдиковская морфологическая система получила свое развитие на фоне сильного древневепского субстрата, нашедшего отражение буквально во всех грамматических категориях. К наиболее древним общекарельским (карельско-ливвиковским) инновациям относится развитие показателей множественности - *loi-* / *-löi-*, геминированных согласных компонентов формантов потенциала и сокращение показателя кондиционала.

На более подробной карте по именному словоизменению из собственно карельского кластера отделились группа говоров Центральной России с отдельными паданскими говорами, группа южных мяндусельгских говоров, а также держанский говор, из ливвиковского – кондушский говор, из людиковского – южнолюдиковские говоры (без михайловских). На соответствующей карте, демонстрирующей диалектную систему глагольного словоизменения, из собственно карельской группы обособились кластер говоров Центральной России и кластер восточных поросозерских, западных мяндусельгских и северных ливвиковских говоров, а людиковская группа разбилась на кластер севернолюдиковских и северных среднелюдиковских говоров, кластер южнолюдиковских и южных среднелюдиковских говоров и кластер михайловских говоров. Становление диалектных различий, приведших к делению устойчивых морфологических систем карельских наречий, относится к старокарельскому периоду развития языка. Речь идет как о результатах перекрестного влияния в пограничной между наречиями зоне, так и о последствиях позднего воздействия со стороны грамматических систем соседних языков или о поздних инновациях (упрощение системы образования именных форм множественного числа в говорах Центральной России, форманты I инфинитива двусловных глаголов в северных людиковских говорах, вокализация формантов иллатива и 3 лица множественного числа, редукция падежных показателей, особенности конечной

огласовки аффиксов). Многие выведенные изоморфы накладываются друг на друга, а также на фонологические и морфонологические изоглоссы, усиливая тем самым проявившие себя диалектные ареалы.

Глава 6 «Диалектные различия в лексической системе» посвящена диалектометрическому анализу лексики, имеющей в карельских говорах локальное распространение. На лексических картах возможно сосуществование членов междиалектных соответствий, что дает ценную информацию о языковых и культурных контактах между народами. Обсчет произведен на отличающихся наборах данных с использованием разных методов.

1. В разделе 6.1 для определения степени родства анализируемых идиомов используется критерий сохранности базисной лексики. Его применение к выборочным материалам сопоставительно-ономасиологического словаря обеспечил инструмент **глоттохронологического анализа** языков и диалектов лингвистической платформы LingvoDoc. Согласно показателям процентов совпадения для разграничения языков, анализируемые идиомы разбились на две группы, соответствующие карельскому и вепсскому языкам. Людиковский михайловский говор показал промежуточное между ними положение. По степени наибольшей близости карельские говоры образовали три группы: группу севернокарельских говоров собственно карельского наречия с тунгудским говором, группу южнокарельских говоров собственно карельского наречия Карелии и тихвинского говора с ливвиковскими и людиковскими говорами и группу говоров собственно карельского наречия Центральной России, ощутившую сильное влияние со стороны лексической системы русского языка.

2. Раздел 6.2 включил результаты обсчета полных наборов данных сопоставительно-ономасиологического словаря (1,5 тыс. понятий для каждого говора) методом **кластерного анализа**. В общей сложности было произведено 59 кластеризаций по отдельным лексико-семантическим разделам словаря, позволивших выделить разделы с низкой (преимущественно исконный характер лексики) и высокой (высокий процент поздних заимствований) степенью диалектной дифференциации представленной в них лексики. На сводной кластерной карте говоры карельского и вепсского языков разбились на два крупных кластера согласно их языковой принадлежности. На более детальном уровне карельский кластер представлен тремя группами: северной, включившей севернокарельские говоры и обнаруживающие переходное положение южнокарельские тунгудский, ребольский и ругозерский говоры собственно карельского наречия, ливвиковско-людиковско-южнокарельской (с паданским и мяндусельгскими говорами) и южной, объединившей собственно карельские говоры Центральной России. Максимальную лексическую однородность ареалов показали севернокарельские говоры собственно карельского наречия, ливвиковские говоры с собственно карельским говором Койкар и людиковским говором Святозера, а также собственно карельские говоры Средней Карелии (Паданы и Юостозеро).

3. **Кластеризация** данных раздела «Лексика» диалектной базы карельского языка (отобрано более 100 показательных понятий для более 200 пунктов) (раздел

6.3) на верхнем уровне деления разбила анализируемые говоры на два кластера: собственно карельский (напр., *ovi* ‘дверь’, *tuah* ‘навоз’, *mujeh* ‘ряпушка’, *valehella* ‘лгать’, *kuotella* ‘пробовать’) и ливвиковско-людиковско-вепсский (*uksi* ‘дверь’, *höštö* ‘навоз’, *riäpöi* ‘ряпушка’, *kielastua / muanittada* ‘лгать’, *oppie* ‘пробовать’). При увеличении заданного расстояния собственно карельский кластер разделился на три группы: обнаруживающие довольно большое число общих черт с финским языком северные говоры собственно карельского наречия (напр., *hiät* ‘свадьба’, *laulu* ‘песня’), ощутившие заметное влияние со стороны ливвиковского и людиковского наречий южные собственно карельские говоры Карелии (не обнаруживают каких-либо ярких собственных черт) и демонстрирующие наличие высокого процента поздних заимствований из русского языка собственно карельские говоры Центральной России (напр., *broni* ‘ворона’, *juablokka* ‘картофель’). Ливвиковско-людиковско-вепсская группа разбилась на два кластера: ливвиковско-южнолюдиковский, выделившийся за счет наличия характерного исключительно для него пласта лексики (напр., *vuitti* ‘доля’, *sälgy* ‘жеребенок’, *leuhkia* ‘хвастаться’, *suittoa* ‘копить’), и людиковско-вепсский, обнаруживающий наибольшую концентрацию общих с вепским языком лексем (напр., *ägez* ‘борона’, *verduda* ‘сердиться’).

Сопоставление полученных результатов позволяет говорить о гомогенности лексических систем группы северных говоров собственно карельского наречия, группы юго-восточных говоров Средней Карелии (паданских, поросозерских, мяндусельгских) и группы ливвиковских и южнолюдиковских говоров. При этом две последние демонстрируют относительную близость, тем самым размывая границы наречий из традиционной классификации. Остальные группы говоров либо проявили переходный характер, либо обнаружили влияние со стороны лексических систем соседних языков. Подвижный характер диалектной лексики карельского языка – наглядное отражение истории позднего взаимодействия в регионе Карелии представителей разных групп прибалтийско-финских народов.

В **Заключении** представлены итоговые разбиения карельских говоров на группы методами анализа когнатов и кластерного анализа. Их визуализация в виде таблиц и карт не просто помогла уточнить состав сопоставительных явлений карельского языка, проанализировать границы, динамику и тип диалектных ареалов и переходных между ними зон, но в совокупности с материалами привлеченных к исследованию памятников карельской письменности и данными близкородственных языков позволила получить наглядное представление об истории сложения карельского языкового ландшафта, т.е. систематизировать диалектные различия и в пространстве, и во времени. Комплекс междиалектных соответствий карельской диалектной речи был расширен за счет ряда явлений: лабиализация гласного *i* ударного слога, дистрибуция звонких / глухих анлаутных согласных в поздних заимствованиях из русского языка, геминация инлаутных согласных, представительство сильной и слабой ступеней чередования в позиции перед геминированными показателями императива, распределение форм 3 лица множественного числа одноосновных глаголов с основой на *e* и форм I инфинитива двусловных глаголов.

Результаты применения методик анализа когнатов (рис. 2, а) и лексикостатистики (рис. 2, б) к диалектным данным наиболее гетерогенных фонологической и лексической систем обозначили наличие четких изоглосс между карельскими и вепскими говорами.

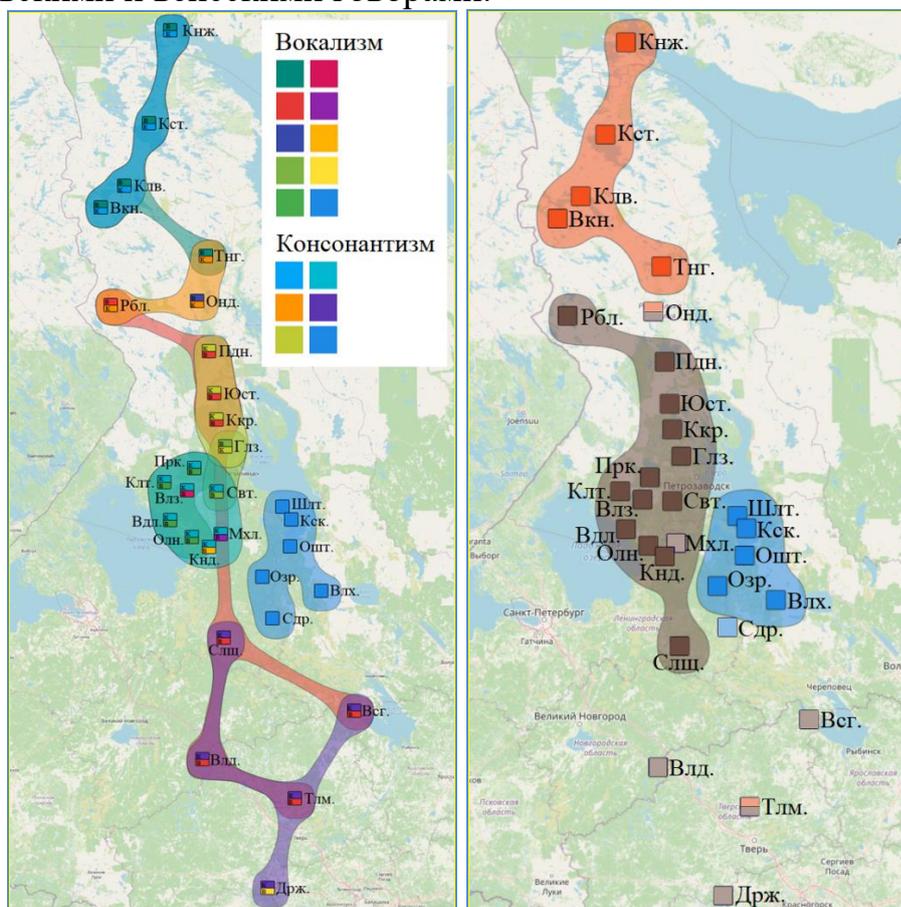

Рис. 2. а) Сопоставление результатов, полученных методом анализа когнатов по вокализму и консонантизму; б) Итоговая карта по лексикостатистике¹³

Говоры карельского языка разбились на четыре ареала: северные собственно карельские, южные собственно карельские говоры Карелии, собственно карельские говоры Центральной России, ливвиковские говоры. Между ними наметились переходные зоны, в которые вошли и не образовавшие самостоятельной группы людиковские говоры. Полученные методом анализа когнатов изофоны в большинстве своем совпали с изоглоссами с соответствующих кластерных карт.

¹³ Вдл. – Видлица (вдл.), Вкн. – Вокनावолок (вкн.), Влд. – Валдай (влд.), Влз. – Ведлозеро (влз.), Влх. – Войлахта (средневепский диалект), Всг. – Весьегонск (всг.), Глз. – Галлезеро (слд.), Држ. – Держа (држ.), Ккр. – Койкары (мдс.), Клв. – Калевала (ухт.), Клт. – Колатсельга (тлз.), Кнд. – Кондуши (кнд.), Кнж. – Княжая Губа (крт.), Кск. – Каскесручей (северновепский диалект), Кст. – Кестеньга (кст.), Мхл. – Михайловское (мхл.), Озр. – Озеро (средневепский диалект), Олн. – Олонец (нкл.), Онд. – Ондозеро (ргз.), Ошт. – Ошта (средневепский диалект), Пдн. – Паданы (пдн.), Прк. – Проккойла (смз.), Рбл. – Реболы (рбл.), Свт. – Святозеро (юлд.), Сдр. – Сидорово (южновепский диалект), Слщ. – Селище (тхв.), Тлм. – Толмачи (тлм.), Тнг. – Тунгуда (тнг.), Шлт. – Шелтозеро (северновепский диалект), Юст. – Юостозеро (мдс.).

На верхнем уровне итоговой кластеризации оформилось три группы, соответствующие наречиям карельского языка из традиционной классификации. Формирование диалектных особенностей, на которых основано выделение наречий, относится к пракарельскому периоду развития языка. Наиболее показательными в этом плане оказались обладающие устойчивым характером морфологическая и морфонологическая системы, к ним примкнули также некоторые ранние вокалические изоглоссы. Диалектная система древнекарельского языка не отличалась однородностью. Очевидно, что наряду с характеризующимся наличием большого числа инновационных черт древним собственно карельским наречием в Северо-Западном Приладожье, на Олонецком перешейке на фоне контактов с древневепским населением региона развитие получили сохранившееся ряд архаичных прибалтийско-финских праязыковых черт древнеливвиковское наречие и древнелюдиковское со значительно более выраженным древневепским субстратом.

Диалектная дифференциация древнекарельских наречий связана с массовыми переселениями карелов с исторической родины на новые территории в XVII в. Она основана на изоглоссах соответственных явлений, восходящих либо к поздним древнекарельским диалектным различиям (зачастую недооформленным), либо к результатам интенсивных контактов в пограничной между наречиями зоне. По пучкам таких изоглосс в собственно карельском наречии оформилось три диалекта: северный (говоры Лоухского, Калевальского, Кемского, Беломорского, Муезерского районов и Костомукшского ГО Карелии), южный (говоры Тверской, Ленинградской и Новгородской областей) и характеризующийся промежуточным положением между наречиями переходный (говоры северной части Суоярвского, северо-западной и центральной частей Медвежьегорского и северо-западной части Кондопожского районов Карелии). В людиковском – два: исконно людиковский (людиковские говоры Кондопожского и Олонецкого районов Карелии) и демонстрирующий наличие сильного влияния со стороны контактных ливвиковских говоров пряжинский (людиковские говоры Пряжинского района Карелии). Ливвиковское наречие на данном уровне кластеризации показало относительную гомогенность своей территории.

По изоглоссам фонологической (особенно консонантной) и лексической систем, изобилующих старокарельскими инновациями (особенно в сегозерских, зубцовских, тихвинских, кондушских и михайловских говорах), следам как позднего влияния соседних финского (в северных и западных собственно карельских говорах Карелии), вепского (в самых южных людиковских и ливвиковских говорах) и русского (в собственно карельских северо-восточных говорах и говорах Центральной России) языков, так и продолжавшегося межнаречного и междиалектного взаимодействия, диалекты карельского языка разбились на 20 групп говоров. Завершение процесса сложения современной карельской диалектной системы стоит возводить к началу новокарельского этапа его развития (первая половина XX в.), что имеет непосредственную связь с постепенным переходом карелов на русский язык, заметно ослабившим (если не остановившим) взаимодействие между говорами и диалектами.

Полученная на основе исключительно языковых данных трехуровневая (наречие – диалект – группа говоров) диалектная классификация карельского языка перенесена на схематичную карту (рис. 3), на которой учтены более не заселенные носителями говоров исконные карельские территории (отмечены точечной штриховкой). По истечении некоторого времени в связи со стремительным ухудшением языковой ситуации карта потребует корректировки.

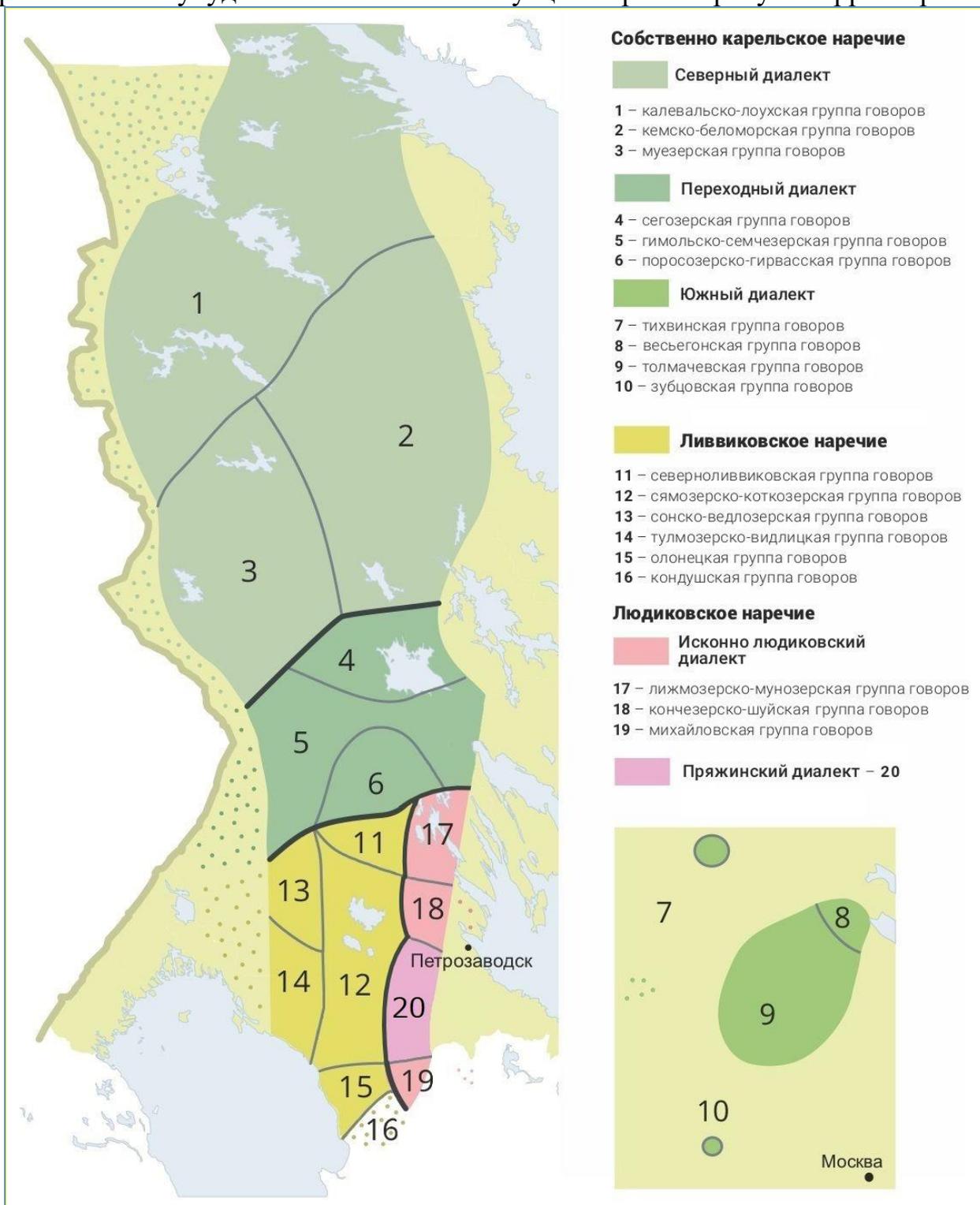

Рис. 3. Диалектная карта карельского языка

Намеченные на итоговой карте границы диалектных ареалов, основанные на комплексе изоглосс всех языковых уровней, существуют не сами по себе. Повторяя географические, этнические, исторические и топографические границы, они четко укладываются в единую систему.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ:

1. Новак, И. П. Определение диалектной специфики карельских материалов словаря П. С. Палласа // Финно-угорский мир. – 2024. – № 1. – С. 33–49 (1 а.л.). DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.33-49.
2. Новак, И. П. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Консонантизм // Урало-алтайские исследования. – 2024. – № 1. – С. 42–85 (3 а.л.; Scopus). DOI: 10.37892/2500-2902-2024-52-1-42-85.
3. Новак, И. П. Сужающиеся дифтонги в диалектной системе карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 21–27 (1 а.л.). DOI: 15393/uchz.art.2024.1020.
4. Муллонен, И. И., Новак, И. П. Древнекарельские языковые особенности в памятниках письменности второй половины XVII – начала XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024. – № 3. (в печати). (1,5 а.л. / 0,75 а.л.; WoS, Scopus).
5. Новак, И. П. Исследование альтернативной системы согласных карельской диалектной речи методом кластерного анализа // Вестник угроведения. – 2023. – № 2. – С. 234–245 (1 а.л.; WoS, Scopus). DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-2-234-245.
6. Новак, И. П., Кундозерова, М. В. «Едучи в карбасу»: русско-карельские записи Симеона Гаврилова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2023. – № 4. – С. 488–497 (1 а.л. / 0,5 а.л.; Scopus). DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-488-497.
7. Новак, И. П., Нагурная, С. В. Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа // Финно-угорский мир. – 2023. – № 3. – С. 287–300 (1 а.л. / 0,5 а.л.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300.
8. Новак, И. П., Норманская, Ю. В. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Вокализм // Урало-алтайские исследования. – 2023. – № 3. – С. 56–96 (2 а.л. / 1 а.л.; Scopus). DOI: 10.37892/2500-2902-2023-50-3-56-96.
9. Новак, И. П., Рунтова, А. Н. Фонетические диалектные различия в тверских говорах карельского языка // Вестник Тверского государственного университета. Филология. – 2023. – № 4. – С. 48–57 (1 а.л. / 0,5 а.л.). DOI: 10.26456/vtfilol/2023.4.048.
10. Новак, И. П. «Глухой» и «звонкий» карельский: диалектные маркеры на кластерных картах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2022. – № 7. – С. 54–63 (1 а.л.). DOI: 10.15393/uchz.art.2022.817.
11. Новак, И. П. Именная морфология памятника тверской карельской письменности – перевода «Евангелия от Марка» // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. – 2022. – № 9. – С. 9–20 (1 а.л.; Scopus). DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-9-9-20.

12. Новак, И. П. Карельские идиомы по данным лексикостатистики // Вестник Московского университета. Филология. – 2022. – № 6. – С. 75–84 (0,5 а.л.). DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-75-84.
13. Новак, И. П. Проблемы диалектной классификации карельского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2022. – № 2. – С. 204–213 (1 а.л.; Scopus). DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-204-213.
14. Новак, И. П. Распределение переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка Средней Карелии (на основе применения алгоритма «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок) // Урало-алтайские исследования. – 2022. – № 2. – С. 79–105 (1,5 а.л.; Scopus). DOI: 10.37892/2500-2902-2022-45-2-79-105.
15. Новак, И. П., Крижановская, Н. Б. Система восходящих дифтонгов в говорах карельского языка Карелии: в поисках алгоритма кластеризации // Вестник угроведения. – 2022. – № 3. – С. 486–496 (1 а.л. / 0,5 а.л.; WoS, Scopus). DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-486-496.
16. Новак, И. П., Нагурная, С. В. Определение диалектной принадлежности карельского языкового материала «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского // Финно-угорский мир. – 2022. – № 1. – С. 20–32 (1 а.л. / 0,5 а.л.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.20-32.
17. Новак, И. П. Базовая лексика карельского и вепсского языков в лингвогеографическом аспекте // Вестник угроведения. – 2021. – № 1. – С. 90–101 (1 а.л.; WoS, Scopus). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-90-101.
18. Новак, И. П. Применение методики кластеризации в решении проблем диалектного членения карельского языка (на примере дистрибуции переднеязычных щелевых согласных) // Урало-алтайские исследования. – 2021. – № 2. – С. 103–132 (2 а.л.; Scopus). DOI: 10.37892/2500-2902-2021-41-2-103-132.
19. Новак, И. П. Коллекция тверских карельских диалектных материалов в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 38–47 (1 а.л.). DOI: 10.15393/uchz.art.2021.566.
20. Новак, И. П. Язык тверских карелов: четыре века истории // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – № 7. – С. 41–51 (1 а.л.). DOI: 10.15393/uchz.art.2021.678.
21. Новак, И. П. Богослужебный текст как источник исследования диалектной специфики карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 7. – С. 90–95 (1 а.л.). DOI: 10.15393/uchz.art.2019.392.
22. Новак, И. П. Фонетическая адаптация русских заимствований в тверском наречии карельского языка // Вестник Тверского государственного университета. Филология. – 2015. – № 3. – С. 172–181 (1 а.л.).

Свидетельство о регистрации базы данных:

23. Новак, И. П. Свидетельство о государственной регистрации базы данных Федеральной службы по интеллектуальной собственности № 2022621259 «Диалектная база карельского языка MURREN» от 23.05.2022.

Монографии:

24. Карельский язык в грамматиках: сравнительное исследование фонетической и морфологической систем / И. Новак, М. Пенттонен, А. Руусканен, Л. Сиилин. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. – 479 с. (38,7 п.л. / 9,7 п.л.). ISBN 978-5-9274-0837-5 (на финском языке: Karjala kielioppeissa: Fonetiikan ja morfologian vertaileva tutkimus / I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. – Petrozavodsk : KNS RAN, 2019. – 477 s. ISBN 978-5-9274-0838-2; на английском языке: Karelian in Grammars: A study of phonetic and morphological variation: scientific electronic edition / I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. – Petrozavodsk : KarRC RAS, 2022. – 452 p. ISBN 978-5-9274-0934-1).
25. Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX века / сост., ред., авт. вступ. ст. Л. Г. Громова, И. П. Новак. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2020. – 295 с. (32,87 п.л.). ISBN 978-5-9274-0887-0.
26. Новак, И. П. Грамматика тверского карельского языка. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2020. – 177 с. (10,35 п.л.). ISBN 978-5-9274-0880-1.
27. Новак, И. П. Тверские диалекты карельского языка: Фонетика. Фонология. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2016. – 226 с. (14 п.л.). ISBN 978-5-9274-0740-8.
28. Новак, И. П. Становление альтернативной системы согласных карельской диалектной речи. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2014. – 220 с. (12,8 п.л.). ISBN 978-5-9274-0617-3.

Разделы монографий:

29. Новак, И. П. Язык тверских карелов: четыре века истории // Памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина 1668 г.: исследования и тексты. – М.; СПб. : Альянс-Архео, 2023. – С. 204–219 (1 а.л.). ISBN 978-5-98874-204-3.
30. Муллонен, И. И., Новак, И. П. Графо-фонетическая, фонологическая и словоизменительная системы карельско-русского словаря в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина 1668 г.: исследования и тексты. – М.; СПб. : Альянс-Архео, 2023. – С. 219–244 (1,5 п.л. / 0,75 а.л.). ISBN 978-5-98874-204-3.
31. Новак, И. П. Карельский язык и его диалекты // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. – Петрозаводск : Периодика, 2019. – С. 56–65 (1 а.л.). ISBN 978-5-88170-336-3.

Другие публикации:

32. Новак, И. П. Диалектные различия карельского языка в системе вокализма // LI Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой. – СПб. : СПбГУ, 2023. – С. 738–739.

33. Новак, И. П. Использование методов диалектологии в процессе решения проблем карельской диалектологии // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России : сборник материалов XIX Международной научной конференции. – Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. – С. 18–20.
34. Novak, I. P. Kantalahen rannoin karjalaisien kieli ta mieli // Karjalan Heimo. – 2022. – № 3–4. – С. 56–58.
35. Novak, I., Penttonen, M. Analysis of Karelian dialect division based on algorithmic clusterization // *Linguistica Uralica*. – 2021. – № 2. – P. 81–101 (Scopus).
36. Novak, I. P. Tverinkariela – vanhan Korela-rahvahan kielen lämbymärändane okša // *Šulkkuni sanaine. Kirjoituksia Karjalasta ja vähemmistökielistä*. – Helsinki : KSS, 2022. – S. 108–120.
37. Захарова, Е. В., Новак, И. П. К 90-летию прибалтийско-финской лингвистической школы Карелии // *Linguistica Uralica*. – 2020. – № 2. – С. 151–158 (Scopus).
38. Новак, И. П. К 130-летию Д. В. Бубриха: кластеризация в подтверждение единства карельского языка // Бубриховские чтения: задокументированное народное слово : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2020. – С. 30–33.
39. Novak, I. Venäjän kielen vaikutus tverinkarjalan murteiden äänneoppiin // *Plurilingual Finnic. Change of Finnic languages in a multilinguistic environment. Uralica Helsingiensia*. – Helsinki : Finno-Ugrian Society, 2019. – S. 227–248.
40. Новак, И. П. Карелоязычные тексты в «Олонецких епархиальных ведомостях» // Краеведческие чтения : материалы XIII Республиканской научной конференции с международным участием. – Петрозаводск, 2019. – С. 111–114.
41. Крижановский, А. А., Крижановская, Н. Б., Новак, И. П. Представление диалектов в Открытом корпусе вепсского и карельского языков (ВепКар) // Корпусная лингвистика – 2019 : труды Международной конференции. – СПб. : СПбГУ, 2019. – С. 288–295.
42. Новак, И. П. Проблемы диалектного членения карельского языка // Коренные народы Карелии: история и современность : аннотации докладов Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2019. – С. 15–16.
43. Новак, И. П. Тверские диалекты карельского языка // Тверские карелы: 400 лет на тверской земле : сборник докладов Международной научно-практической конференции. – Тверь : ТвГУ, 2017. – С. 114–119.
44. Новак, И. П. Карельский язык и его диалекты // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию КарНЦ РАН. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2016. – С. 422–425.
45. Новак, И. П. Случаи аффиксального плеоназма в карельском языке (по результатам исследования именной словоизменительной системы тверских карельских диалектов) // Финно-угорская мозаика : сборник статей к юбилею И. И. Муллонен. – Петрозаводск : КарНЦ, 2016. – С. 153–160.

46. Новак, И. П., Егорова, А. А. Язык как зеркало истории карельского народа (на южнокарельском диалектном материале собственно карельского наречия) // Краеведческие чтения : материалы X научной конференции. – Петрозаводск, 2016. – С. 121–126.
47. Новак, И. П., Егорова, А. А. Отражение истории народа в его языке (на южнокарельском диалектном материале собственно карельского наречия) // Богатство финно-угорских народов : материалы III Международного финно-угорского студенческого форума. – Йошкар-Ола : МарГУ, 2016. – С. 139–142.
48. Новак, И. П., Егорова, А. А. Система послеложных падежей в периферийных диалектах карельского языка // Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере : материалы научной конференции. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2015. – С. 267–272.
49. Новак, И. П. Фонетическая адаптация русских заимствований в карельском языке (на материале тверских диалектов) // Материалы XLIV Международной филологической конференции. Уралистика. – СПб. : СПбГУ, 2015. – С. 63–67.
50. Новак, И. П. Фонетические маркеры пограничных ливвиковских и людиковских карельских говоров // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа. – Петрозаводск : КарНЦ, 2015. – С. 143–189.
51. Новак, И. П., Родионова, А. П. Фонетические и грамматические маркеры карельской диалектной речи // Научное обозрение. Гуманитарные исследования. – 2014. – № 7. – С. 117–129.
52. Новак, И. П. Фонетические маркеры тверских диалектов карельского языка // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России : материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2014. – С. 47–49.
53. Новак, И. П. Палатализация в тверском наречии карельского языка // Материалы XLIII Международной филологической конференции. Уралистика. – СПб. : СПбГУ, 2014. – С. 54–57.
54. Новак, И. П. Роль вепсского языка в становлении карельской альтернативной системы // Вепские ареальные исследования. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2013. – С. 166–174.
55. Новак, И. П. Методы полевого сбора фонологического материала (из опыта исследования альтернации согласных карельского языка) // Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2013. – С. 229–233.